

Публикуется по: Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740-1742 годов. М. 1862.

Письма февраля 1740

4 марта. Россия.

(Не указано, кем написана эта записка.)

При настоящем положении дел, успех принцессы Елизаветы мне кажется для интересов короля имеет огромное значение, так как тогда Россия будет вне возможности каким бы то ни было образом противодействовать видам его величества касательно империя (римской), почему я считаю обязанностью изложить письменно некоторые соображения о главных причинах, которые могут содействовать помянутому успеху. Я далек от мысли, чтобы Остерман мог быть [197] полезен в этом случае, так как он привязан к интересам принцессы-правительницы и принца брауншвейгского, ее мужа; но многие обстоятельства рассеивают мои сомнения относительно этого предмета. Остерман никогда не терпел совместника в главном управлении делами России, а теперь он на месте, далеко не на первом, и может быть в отчаянии, видя фельдмаршала главным министром. В последнем невозможно сомневаться, и должно думать, что Остерман в настоящее время считает себя обесщеченным на весь мир человеком, если не выйдет из этого положения при помощи падения фельдмаршала.

Может статься, что он не видит никакой возможности достигнуть этого через правительницу: необходимость заставит его, для нанесения быстрого удара, обратиться к другой стороне, и хотя это было бы против его Привязанность к правительнице и ее мужу, тем не менее однако потребность удовлетворить своей страсти во что бы то ни стало, без сомнения, побудит его пристать к партии принцессы Елизаветы. Успев в том, он может иметь единственную цель, могущую польстить его самолюбию — это возвратить, действуя таким образом, свое значение, к которому он привык издавна.

Есть два средства, одинаково сильные в пользу Елизаветы: одно — религия, другое — отмщение оскорбления, нанесенного духовенству при избрании на царство Анны, тетки правительницы. Остерман велит внушить духовенству, что последняя ни мало не православна, что муж ее лютеранин и иноземец и оба не упустят случая воспитать молодого царя, их сына, в догматах, противных господствующей в стране вере 21. Какой повод к волнению для народа суеверного, когда подобные внушения будут ему переданы [198] священниками, исповедниками! Что может быть сильнее и способнее для возбуждения черни и солдатства! Действуя таким образом, духовенство будет думать, что оно защищает собственное свое дело, и вот тому причина: в собрании чинов 1730 года, духовенство было исключено при избрании на царство Анны, под предлогом, что оно себя унизило соучастием в возведении на престол, по кончине Петром I, его супруги. Более и не нужно ничего, чтобы возбудить ненависть духовенства против распоряжения царицы Анны в пользу сына своей племянницы. Должно удивляться, что маркиз де-ла-Шетарди не упомянул ничего об участии, которое может принять духовенство в деле принцессы Елизаветы. Но если предполагать, что оно осуществится чрез посредство Швеции, то возникает опасение, что интересы короля ничего не выиграют, когда Остерман возвратит себе преобладающее влияние, которым он до сих пор пользовался в России, Почему и желательно, чтобы Швеция, за свое участие г, пользу принцессы Елизаветы, требовала от последней удаления Остермана от дел, тем более,

что должно ожидать, что до тех пор, пока этот министр останется в силе, не будет никакой надежды на то, чтобы Россия поддалась на какие-нибудь переговоры о соглашении со Швецией.

От де-ла-Шетарди, 21 февраля/марта

Остерман дал бал...

Этот обычай введен по случаю моего приезда. Прежде иностранные министры были приглашаемы на обед во дворец с лицами, к нему принадлежащими, и теми, которых приглашают на этот случай; но тогда бы следовало мне занять за столом царицы место, которое герцог курляндский не мог оспаривать у посланника, а этого хотели избежать... Во Францию послан Понятовский... Третьего дня мне выдавали за верное, что этому министру, когда он стоял за стулом королевы (французской) последняя сказала: "не думаете ли вы сделать вашего короля Августа королем богемским и предложить королю, моему родителю (Станиславу Лещинскому), возвратиться в Польшу?" [200] Мне говорили, что об этом сообщено сюда от князя Кантемира...

Маркиз Ботта (Маркиз Ботта, об отъезде которого из Петербурга в июле 1740 г. говорено на стр. 103, в начале 1741 г. был послан королевою венгерскою к прусскому королю Фридриху Я уговаривать, чтобы не начинать войны с Австриею; однако маркиз в Берлине ничего не сделал, а потому приехал в Петербург хлопотать об оказании со стороны России помощи Марии Терезии) говорил о возрасте царя я ручался, не объясняя впрочем причины, что никто из русских, а тем менее из иностранцев не видал его и не увидит долго. Я однако знаю положительно, что маркиз Ботта часто видит его. Эти люди, поступая таким образом, мало понимают свои собственные интересы, дают повод к толкам, и меру, столь не согласную с введенными при всех европейских дворах обычаями, трудно объяснить иным чем, кроме рассчитанной заранее предосторожности скрыть вернее смерть царя, если бы он скончался, и лучше приготовить средства к возведению, в таком случае, на престол правительницы.

Что касается до принцессы Елизаветы, то она мне сообщила, что она не без подозрений по этому предмету, а потому и ездит постоянно к царю, для того чтобы ей не могли вовсе возбранить этого (*pour qu'on ne lui en imposat point a ce sujet*). Она еще продолжает затрудняться дать письменное удостоверение (*la requisition*), которое просил у ней Нолькен. Впрочем, я не знаю кто бы мог быть человек, говоривший мне с такою доверчивостью об интересах этой принцессы. Вы видели, милостивый государь, из моих предидущих писем (этих писем нет в тургеневском сборнике депеш), что всегда я только с нею одною говорил, и осторожность моя в этом случае была так велика, что я избегал [201] бы выражений ее доверенности ко мне, если бы тайна до сих пор не оставалась постоянно только между нею, тем французом хирургом, от которого она ничего не скрывает, Нолькеном и мною. Притом наша общая выгода состоит в хранении этой тайны. Я сообщил Любрасу, что так как до возвращения моего нарочного, не могу являться при дворе, то всякая со стороны моей вежливость в отношении принцессы Елизаветы могла бы открыть и выставить меня, почему я решился не видаться с нею в течение этого времени, отчего не потерпит нисколько то, с чем согласуются требования благоразумия. Принцесса уже знает о причинах моей сдержанности, она одобрила ее и

благодарила меня. Я передал ей через хирурга, которого выдаю частным образом изредка, когда мне за благорассудится, уверение в расположении к ней короля.

24 февраля / 7 марта.

Королева прусская прислала девице Менгден свой портрет, украшенный брильянтами. Милость к ней растет с каждым днем и всегда дает право возбуждать удивление: она такова, что принц брауншвейгский и Миних не считают себя избавленными обходиться осторожно с девицею Менгден....

Тоже самое с правительницею, и он (?) тем более оплакивает ее поведение, что с одной стороны видит, что пристрастие ее к иностранцам гораздо сильнее того, которое было в предъидущее царствование, а с другой стороны замечает брожение умов внутри. По истине он (?) не знает что случится. [202]

28 февраля / 11 марта.

Портрет, полученный девицею Менгден ценят в 80 т. экю....

Этот (?) искал случая овладеть гофмаршалом (le grand marechal), гр. Минихом сыном и бароном Менгденом, но они отказались и объявили правительнице о том, что было им предложено.

Доверенность ко мне принцессы Елизаветы не умаляется. Вчера я видел ее хирурга к поручил передать принцессе о расположении к ней короля и о том, что она, доверяясь его величеству, может ожидать от него. Он чувствовал всю цену и силу таких уверений и передал мне, что принцесса Елизавета не заслужила столь милостивого расположения и постарается сделаться достойною его своими поступками и вниманием, действуя на будущее время так, как только это угодно королю. Мы в коротких словах вошли в подробности о выгоде для принцессы пристать к партии, воспользоваться счастливым расположением, которое начинает выказываться, и не дать русским привыкнуть к правительству, иначе они освоются с ним тем легче, что рабство, в котором их держат, приведет их к тому 22. Была также речь о причинах, которые заставляют прибегать к предосторожности не допускать видеть царя. Он меня уверил, что принцесса Елизавета так убеждена в видах, которые могут при этом иметь, что не пропускает случая ездить часто к царю, и уже позаботилась о способах узнавать обо всем, что бы ни случилось с ним. Он сообщил мне, по этому случаю, что принц мал не по возрасту: с некоторого времени в нем обнаружались признаки человека, у которого [203] съезжились нервы; у него запоры с самого рождения, и никакое лекарство не могло возбудить в его организме обыкновенных отправления. Хирург присовокупил, что царь должен неминуемо умереть при первом, немного значительном нездоровьи. Доктор, хотя очень знающий, находится под властью правительницы, которая при пособии совета, составленного из женщин, решает, что надобно и чего не надобно давать принцу.

Наконец, он мне передал, что правительница, бывши третьего дня у Елизаветы, говорила ему, не входя в подробности о происходившем, что я желал видеть царя, и что она, на сколько было ей то возможно, выставила все представляющиеся к тому препятствия.

(Шетарди все пересылал Нолькену) исключая того, что казалось мне (слова Шетарди) относящимся к службе короля. Я ему сообщил также сегодня разговор мой с Лестоком, и ему не мало польстило, когда он узнал, что вы тем более одобряете мой образ действий с ним заодно, что подтвердили мне, на случай, если бы я этого не исполнял, поступать таким образом на будущее время, потому что Франция всегда чувствовала влечение к Швеции.

Наконец, вникая в сущность желаний, которые может иметь обер-гофмаршал (Левенвольд) в пользу принцессы Елизаветы, я присовокупил, что они были искренни, хотя и бессильны. Объясняясь так, я хотел сказать, как мало может он быть полезен этой принцессе. Это человек уважаемый и ему приличествовало бы место, которое занимает, когда бы он, зная обычаи большего света только по Петербургу, не был всегда в затруднении пред теми, кто видал на своем веку по более его. Игра и женщины были и суть две преобладающие в нем страсти. При всей привычке к рабству и при уме, мало расположенном к тому, чтобы найти себе занятия, счастливые природные [204] наклонности побудили однако его искать случая оказывать услуги, и он избегал вмешиваться в дела во время милости к нему Екатерины, что ему вменено в заслугу, хотя это происходило от недостатка основательности. Склонность оказывать услуги доставила ему многих почитателей между своими соотечественниками. Наслаждения, которыми он пользуется, сделали его эгоистом, и его помощь не может быть никак полезна. Одному покойному обер-егермейстеру гр. Левенвольду должно приписывать усердие к венскому двору, и он действительно его выказывал при всяком представлявшемся к тому случае.

Комментарии

21. Без внушений духовенства, в народе действительно смотрели некоторые неблагоприятно на принца Иоанна. Вот пример тому: 17 октября 1740 года, при адмиралтействе на полковом дворе прапорщик Горемыкин распорядился о приводе к присяге по случаю назначения наследника престола. Трое из [199] сосланных на работу Иван Ильинский, Ларион Агашков, Кирилл Козлов, потаенные раскольники объявили, что они “к той присяге нейдут, для того что та присяга учинена благоверному государю великому князю Иоанну, а он родился не от христианской крови и не в правоверии”... На формальном допросе Ильинский пояснил, что “отец его высочества иноземец и в церковь не ходит и св. иконам не поклоняется, о чем он, Ильинский, признавает собою, что иноземцы последуют отпадшей западной римской церкви”... Несмотря на истязания, обвиненные с самых первых минут до конца стояли на своем, не разноречили и не отступались от первых показаний. Их сослали на вечно в Рогервик в каторжную работу.

22. Чтобы дать понятие о приверженцах Елизаветы, их надеждах и видах, помещаю здесь известие о случившемся с одним из них еще в то время, когда только что вступила в правление принцесса Анна.

Петр Калачов служил с 1702 года, сперва в кадетях, потом в разных полках, бывал во многих походах и баталиях с Петром Великим, также и за морем в Голландии, а в 1736 г. отставлен из азовского пехотного полка капитаном. В 1740 г. он приехал в Петербург по своим делам, и 16 ноября в его квартире сошлись двоюродный племянник, солдат преображенского полка Василий Кудавев и посадский Василий Егупов. Калачов спрашивал первого из них: “что-де у вас в полку вестей и у вас ли князь Трубецкой и Альбрехт?” Кудавев отвечал, что по прежнему. Калачов, как он признался после, “про вышеозначенных князя [205] Трубецкого и Альбрехта у того Кудавева спросил, что нет ли им по делу регенту какой отлены, понежеде прежде оный Кудавев сказывал ему, что бывший регент к Альбрехту был добр, а Трубецкой поручика Аргамакова бил тростью по щекам! (Ом. выше розыск Ханыкова и Аргамакова стр. 154 и сл.)” Далее Калачов спросил Кудавева: “в тайной канцелярии никого нет вновь?” “Не слыхал,” отвечал тот. “Ведь Ханыков и прочие были в тайной канцелярии под караулом не государыне цесаревне Елизавет Петровне в наследстве, но в регентове деле. Кудавев: “Все мы можем ведать и сердце повествует, что государыня цесаревна в согласии его императорского величества любезнейшей матери, ее императорскому высочеству великой княгине Анне всея России и с любезнейшим его императорского величества отцем его высочеством герцогом брауншвейг-люнебургским и со всем генералитетом.” Калачов: “где тебе ведать эдакому молокососу? Пропала наша Россия! Чего ради государыня цесаревна нас всех не развяжет? Все об этом гребтят. Незнаю, как видеть государыню цесаревну, я бы обо всем ее высочеству донес, да не знаю как; не знает ли он, Кудавев, как дойти?” Кудавев отвечал, что не знает, но прежде в разговорах о регенте сказывал, что “весь преображенский полк желал быт наследницею государыне цесаревне, а наша шестнадцатая рота вся желала, и я, Кудавев, в том на смерть готов подписаться.” Калачов продолжал: “я стану государыне цесаревне говорить: что вы изволите делать? Чего ради российский престол не приняла? Вся наша Россия раззорилась, что со стороны владеют. Прикажи идти в сенат и говорить, как наследство сделано и чего ради государыня цесаревна оставлена и чья она дочь? И ежели прикажет, то прямо побегу в сенат и оные речи [206] говорить. И ежели меня пошлет государыня цесаревна в сенат и велит говорить те речи — так ладно; а ежели не велит, то неужели руками выдаст нас? Ежели не выдаст, то только про это будет нас знать трое; а ежели выдаст его руками, и он скажет ее высочеству, что-де мы будем судиться с тобою на втором пришествии.” Егупов: “хорошо-де, как допущен будешь до ее высочества, а когда-де того не сделается, то куда-де ты годишься? Знатно-де ее высочество сама желания о том не имела.” Калачов: “Ин бы-де ее высочество о этом объявила, чтобы о том весь народ был сведом, понеже-де о том с ним, Калачовым, некоторые и офицеры говорили... Мы незнаем, откуль владеет нашим государством и чья она дочь, его императорского величества (Иоанна III) любезнейшая мать, великая княгиня Анна?” Кудавев впоследствии объяснял, что “об оном-де он, Калачов, говорил, толкуя о родителе ее императорского высочества, его высочестве герцоге мекленбург-шверинском в той силе, что-де его высочество с ее высочеством благоверною государынею царевною великою княжною Екатериною Ивановною (матерью правительницы Анны) жил не согласно, понеже-де он ее не любил, а она-де, государыня цесаревна, монаршеская дочь.” Далее Калачов: “чего ради публично не сделали, что-де

еще крещен или нет его императорское величество? О том же неизвестны. Так-де надобно сделать, чтоб всяк видел, принести в церковь соборную Петра и Павла да крестить. Так бы всяк ведал, а то делают и Бог знает!”

Кудаев рассказывал, что племянник Елизаветы Петровны герцог голштинский коронован в Швеции, что король (тамошний) Фридрих умре. Калачов на это: “тут-де беды ожидай! Небось к нему много будет от нас утеклцов: против его, внука [207] государева, кто будет драться?” Кудаев сказывал Калачову, “что в доме-де у государыни цесаревны живет сестры его, Кудаева, Степаниды преображенского полку гобоиста Петровой жены Калмыкова кума, и хотел-де он, Кудаев, к той куме сходить и наведаться, что государыня цесаревна изволит говорить, и он-де, Калачов, его, Кудаева, просил, чтоб он той куме поговорил: не может ли она его, Калачова, представить пред ее высочество, и Кудаев сказал: доброе я о този ей поговорю.” При распросе, Кудаев показывал: “ об означенном-де он говорил, обманывая оного Калачова, не зная, что более говорить. А сестре де его, Кудаева, кума имеется дому ее высочества государыни цесаревны певчего (имени, и отчества и прозвища его он не знает) жена Палагея Васильева, токмо к той-де Палатеи со оным Калачовым никогда он не хаживал.”

По приказанию правительницы Анны, Калачова расспрашивали с пристрастием в застенке, кто были его сообщники? У дыбы отставной капитан сказал, что их у него никого нет. Его сослали на вечно в Камчатку, Егупова — в сибирский город Кузнецк, а Кудаева за правый донос произвели в сержанты и, сверх того, наградили 50-ю рублями. 4 декабря 1741 года, следовательно через 10 дней по воцарении Елизаветы, Калачова велено было возвратить вместе с майором Иваном Бобровским, капитаном Михалевским и армянином Григорьем Бривостовщиковым, вероятно также попавшими в ссылку за сочувствие к цесаревне. В апреле 1743 г., Калачов в Петербурге в тайной канцелярии росписался в получении возвращенной ему там шпаги “ефес серебряной, при ней портупея.” В 1756 г., Егупов просил вознаграждения за невинное претерпение в 1740 г., и сенат дал ему место присяжного маклера в Москве. [208]

Говоря о приверженцах Елизаветы, нельзя не привести слов фельдмаршала Миниха (*Ebauche pour donner une idee de la forme du gouvernement russe, Copeng. pag. 154 et. sq.*): “Елизавета Петровна воспитывалась всегда окруженная офицерами и гвардейскими солдатами, и в правление Бирона, а потом принцессы Анны, она ужасно заботилась обо всем, что имело отношение к гвардии. Не проходило почти ни одного дня, чтобы она не крестила ребенка, родившегося в первых полках империи, и не угощала изобильно отцов и матерей, или же не оказывала бы какой-нибудь милости гвардейским солдатам, которые и не называли ее иначе, как матушкою. Таким-то образом составила у ней в гвардии значительная партия, и не трудно было воспользоваться ею, чтобы достигнуть трона. Гвардейцы жили в казармах, которые я велел построить. У принцессы Елизаветы был неподалеку от преображенских казарм дом, известный под именем Смольного. Здесь она часто проводила ночи, и здесь видали ее преображенские солдаты и офицеры. Правительница Анна знала об этом, но считала все пустяками, несостоящими внимания. Только при дворе говорили в насмешку: у принцессы Елизаветы ассамблеи для преображенских солдат.”